

Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова, отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон, Москва, Институт русского языка 2004, 404 стр.

Задолго до выхода этот сборник стал притчей во языцех в московских лингвистических кругах: он был утвержден к печати Ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН еще весной 2000 г., и все “ждали, ждали, ждали” его появления. За годы, истекшие от утверждения до публикации, некоторые авторы успели издать свои материалы в других книгах, так что актуальность сборника к 2004 г. несколько редуцировалась. Тем не менее выход книги в свет важен прежде всего как запоздалое (очень запоздалое) признание заслуг Владимира Николаевича Сидорова (1903–1968) в формировании идей Московской лингвистической школы (МЛШ). Из предисловия редакторов (стр. 9) мы узнаём, что сборник памяти Сидорова планировалось выпустить вскоре после смерти Владимира Николаевича, в 1970–1971 гг., однако непреодолимым по тем временам препятствием оказался “ранг” покойного: он не был членом Академии наук, а следовательно, не имел посмертного права на *Gedenkschrift*. Тем не менее целый ряд статей был уже тогда написан друзьями, коллегами и учениками Сидорова. Эти статьи и составили теперь, тридцать лет спустя, значительную часть первого раздела сборника, который, очевидно, должен был выйти к столетнему юбилею ученого, в 2003 г. К 2004 г., однако, ушли из жизни еще несколько лингвистов, писавших о Владимире Николаевиче, – Ф. Д. Ашнин, М. В. Панов, К. Ф. Захарова (их имена обведены в Содержании траурными рамками), О. С. Широков, уже после издания – В. Г. Демьянов, Н. А. Кожевникова, М. Л. Гаспаров, и сборник памяти ученого стал еще более мемориальным: теперь почти весь первый раздел – это голоса ушедших.

С точки зрения как историко-мемуарной, так и научной ценности материалы первого раздела неравнозначны. Открывается том воспоминаниями наиболее именитого мемуариста – члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова, соавтора, покровителя и долгое время друга В. Н. Сидорова (стр. 13–19). При сопоставлении хотя бы с напечатанными следом (стр. 20–24) воспоминаниями А. А. Реформатского, полными живого чувства радости от того, что несколько десятилетий жизни прошли в близком общении со столь незаурядным

человеком, заметки Аванесова поражают в ряде моментов холодной официозностью. Казалось бы, в 70-е годы тема сталинских репрессий уже перестала быть табу, и Реформатский прямо писал о том, как “начались Володиные беды: тюрьма, ссылка в Мариинск, потом “поселение” в Казань. При его слабом здоровье все это было чудовищно по нанесенному ему и русской науке вреду!” (стр. 23)¹, – Р. И. Аванесов же ограничился туманными указаниями на “отъезды” из столицы: “[...] до 1934 г., когда он уехал на 5 лет из Москвы [...]” (стр. 14), “в самом начале 1934 г. Владимир Николаевич уехал из Москвы на 5 лет” (стр. 17), “Н. Н. Дурново уехал из Москвы в конце 1933 г. (с тех пор его мы не видали), а В. Н. Сидоров уехал в начале 1934 г. на 5 лет” (стр. 17).

Постепенно из разных мемуаров начинает вырисовываться сложная картина взаимоотношений между творцами Московской лингвистической школы. То Реформатский сетует, что “эта пара (Аванесов и Сидоров. – В. К.), сросшаяся, как сиамские близнецы [...] раскололась в послевоенное время по причинам, очевидно, не научного порядка [...]” (стр. 22). То сын П. С. Кузнецова, В. П. Кузнецов, констатирует, что “где-то в начале шестидесятых Сидоров поссорился с Аванесовым, дело дошло до того, что при встрече он отказывался подавать Рубену Ивановичу руку” (стр. 25). То С. Н. Борунова сообщает о том, как в 1950 г., в зените марризма и накануне его краха, когда П. С. Кузнецову, М. Н. Петерсону и В. Н. Сидорову “объявили выговор на Ученом совете”, “их друг публично с кафедры призывал их признаться в заблуждениях” (стр. 47). Проскальзывают и оценки истинной роли ученых в науке, не соответствовавшей ни официальной иерархии, ни общепринятому взгляду на вклад отдельных личностей в развитие русистики: так, Аванесов отмечает, что Сидоров “фактически возглавлял [...] работу” над Пушкинским словарем (стр. 19)², Реформатский, признавая, что “на соавторов ему (Сидорову. – В. К.) везло”, тут же подчеркивает: “но в каком-то смысле “Сидоров их больше”” (стр. 22), В. П. Кузнецов ссылается на отца, говорившего, “что при разработке идей Московской фонологической школы главным генератором идей является Сидоров, что во всех совместных с Аванесовым работах основная мысль принадлежит Сидорову” (стр. 24)...

Наиболее интересны в первом разделе воспоминания тех, кто знал Владимира Николаевича; жаль, что некоторые из этих воспоминаний публикуются в малообработанной форме – как расшифровки магнитофонных записей. Несколько неорганично в этом ряду выглядит материал ‘Из переписки Н. А. Янко-Триницкой с известными лингвистами’:

к Сидорову эти в целом не слишком занимательные документы имеют мало отношения (за исключением трех писем). Очевидно, полезнее было бы включить цитаты из писем и бесед в обзорную биографическую статью. Напротив, мемуары Янко-Триницкой ‘Он был моим учителем’ (стр. 56–60) наполнены множеством ярких деталей о встречах с Сидоровым и другими учеными. Особенно основательна и обстоятельна статья В. Н. Боруновой ‘Еще о Владимире Николаевиче Сидорове’ (стр. 37–50), которая, по нашему мнению, и должна была бы открывать сборник. Весьма информативна статья Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова ‘Арест и заключение В. Н. Сидорова’ (стр. 50–55), вводящая в оборот новые материалы о самом трагическом периоде в жизни ученого. Арестованный в период обострения костного туберкулеза, измученный допросами Сидоров подписал признание в том, что Дурново “завербовал” его в организацию “русских фашистов”, и в числе участников организации назвал “уже арестованного В. В. Виноградова и своего ближайшего друга Р. И. Аванесова, остававшегося на свободе”. В частности, о Виноградове он сообщил следующее: “Виноградов часто говорил о тяжелом положении интеллигенции в Советском Союзе, о падении культуры, указывая на полный застой в научной работе по филологическим дисциплинам, объясняя это господством марксистского (читай: марристского. – В. К.) метода, и высказывал при этом резкие антимарксистские настроения” (стр. 53). После этих документальных свидетельств о том, как даже самые честные и мужественные люди не выдерживали следствия, в новом свете предстают филиппики тех, кто “оставался на свободе”, как С. Б. Бернштейн, клеймящий в своих недавно опубликованных записках “гнусное поведение” несчастных жертв, среди которых покончивший с собой после освобождения Н. Л. Туницкий и расстрелянный Г. А. Ильинский (см. Бернштейн 2002, 107).

Материалы сборника позволяют со значительной степенью уверенности предположить, что именно арест и последующие лагерь и ссылка сломали Сидорова как ученого. В самом деле – все, что было создано Владимиром Николаевичем в жанре книги, написано до ареста (хотя порой издавалось и позже, как совместный с Аванесовым *Очерк грамматики русского литературного языка* 1945 г.); после освобождения, правда, появлялись статьи – но отнюдь не они определяют роль Сидорова как подлинного главы МЛШ. Авторы сборника изо всех сил стремятся отразить идеи Владимира Николаевича – но от их пересказов остается главным образом воспоминание о гиперфонеме – понятии, которое, как все согласны, ввел (в устной форме) Сидоров, никогда ни строчки о ней не написавший. Как от-

делить собственный вклад Сидорова от того, что *post factum* пишут его ученики, – неизвестно. Так, статья А. Б. Пеньковского ‘Наследие, завещанное ученикам’ (стр. 110–121) проникнута благородным пафосом – “для того чтобы разрабатывать идеи Владимира Николаевича, их предварительно нужно собрать, извлечь из неизвестности, сделать их всеобщим достоянием” (стр. 120); но, зная замечательные морфологические работы самого А. Б. Пеньковского, можем ли мы быть уверены, что идеи, высказываемые им в статье как идеи Сидорова, не представляют собой все же результат последующей рефлексии, собственного творческого развития отдельных положений, когда-то мельком брошенных мэтром? Изложение фонологических взглядов Сидорова представлено в статье Г. А. Бариновой ‘В. Н. Сидоров – фонолог’ (стр. 128–135), однако автор прекрасно отдает себе отчет в том, что “нельзя быть уверенным, что при передаче они (высказывания В. Н. – В. К.) не модифицируются и не теряют часть важных моментов, тем более, что это высказывания разного времени, иногда очень отдаленного”, – и обоснованно сомневается, “насколько нам удастся преодолеть эти трудности и воссоздать систему фонологических взглядов В. Н. Сидорова” (стр. 128). Еще менее “аутентичны” заметки К. Ф. Захаровой ‘В. Н. Сидоров – диалектолог’ – сам автор признается: “[...] я не была его непосредственной ученицей, не слушала его лекций, не была участницей его семинаров, не была с ним в экспедициях” (стр. 135); и все же исследовательнице удалось, опираясь только на разрозненные публикации В. Н. Сидорова по русским говорам, показать широту и глубину его диалектологических интересов, продемонстрировать, что, судя по публикациям, Сидоров был все же диалектологом *par excellence*³. Отдельные стороны лингвистического наследия В. Н. Сидорова раскрываются также в статьях И. С. Ильинской, В. А. Плотниковой ‘Владимир Николаевич Сидоров и “Словарь языка Пушкина”’ (стр. 88–99), В. А. Робинсон-Плотниковой ‘Помощник и друг’ (стр. 99–103), Н. А. Янко-Триницкой ‘В. Н. Сидоров о роде имен существительных’ (стр. 104–110), В. Г. Демьянова ‘Несколько штрихов к портрету В. Н. Сидорова как ученого’ (стр. 121–124). Многогранность интересов, свежесть мысли, неординарность подходов – все эти стороны выдающегося научного дарования Сидорова с очевидностью раскрываются в сборнике. И тем не менее некоторые, порой анонимные и во всяком случае цитируемые без одобрения оценки, к сожалению, нельзя сбрасывать со счетов. Вот неизвестный ВАКовский чиновник – в связи с присуждением Сидорову докторской степени без защиты диссертации: “Мы привыкли, что раз доктор – сотни и сот-

ни трудов” (стр. 83). Вот – неназванный “англист”: “Но Сидоров же совершенно мифическая фигура! Он же ничего не написал ...” (стр. 120). А вот – острый на язык безжалостный мемуарист С. Б. Бернштейн: “[...] он оказывал огромное влияние на окружающих, это был блестящий человек, но вот все уже уходит, кто его знал, и он исчез – потому что ничего нет, ничего нет” (стр. 77) ... “И отмахнуться от этого факта невозможно” – по крайней мере, для тех, кто не знал Сидорова, не находился под обаянием его светлой личности, а судит о нем исключительно по принципу *scripta manent*.

Долгое умирание ученого Сидорова – лишь одно из преступлений марристов и чекистов, успешно уничтожавших все то лучшее, что еще сохранялось в русистике (прежде всего в исторической русистике) и славистике в послереволюционные годы. Дурново, Ильинский, Туницкий, Бенешевич пали жертвами сразу, надломленный Селищев просуществовал до 1942 г., Виноградов, казалось бы, выстоял, но навсегда отказался от занятий историей языка, от изучения памятников – да и как было заниматься древней письменностью в годы, когда даже рукописи давно покойного Л. Л. Васильева, сохранявшиеся в семье, из страха уничтожались – “упоминания Евангелия, Апостола, Псалтыри, рассмотрение церковнославянской⁴ лексики могло быть воспринято властями как состав преступления” (стр. 300)? Зачем исследовать церковные книги? Зачем книги вообще? И после войны, “получив участок, В. Н. строил дачу на деньги от продажи библиотеки отца” (стр. 48) – богатейшей библиотеки профессора-филолога дореволюционной выучки. К чему картографировать говоры, если в *Литературной газете* в 1947 г. печатается статья-донос какого-то А. Марьямова с критикой взглядов Аванесова и Сидорова на необходимость исторического изучения говоров – без должного внимания к языковым процессам современности (стр. 381)?

Трудно себе представить – и горько думать об этом, – чего бы мог достигнуть такой ученый, как Сидоров, если бы его жизнь и творчество не были переломлены в 30-летнем возрасте.

Раздел завершается публикацией выдержек из отзывов В. Н. Сидорова о кандидатских диссертациях (стр. 149–152) и перепечаткой опубликованного в 1971 г. выступления Сидорова ‘О Московской фонологической школе’ (стр. 153–162).

На удивление небольшой второй раздел сборника включает статьи по истории языка и диалектологии.

Статья А. А. Зализняка ‘Древнерусская графика со смешением $\text{ъ} - \text{o}$ и $\text{ь} - \text{e}$ ’ (стр. 165–192) за два года до издания рецензируемого сборника уже была опубликована – вопреки своей теме – в книге А. А. Зализняка “Русское именное словоизменение” с приложением *избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию* (Зализняк 2002, 577–612). Поводом к написанию статьи послужили, с одной стороны, попытки А. Б. Страхова изобразить бытовую графику со смешением $\text{ъ} - \text{o}$ и $\text{ь} - \text{e} - \text{ѣ}$, представленную в берестяных грамотах, как книжную графическую систему (стр. 166), с другой стороны – наше краткое примечание к одной из статей, согласно которому “в смешении букв ъ и o , ь , e и ѣ [...] трудно усматривать особый орфографический прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков” (Крысько 1998, 74)⁵. А. А. Зализняк доказывает, что доля памятников со смешением указанных букв в книжной письменности незначительна, а интенсивность такого смешения в рукописях невелика. Правда, следует признать, что современные историки языка знают древнерусскую книжную письменность не столь основательно, как А. И. Соболевский, отмечавший, что некоторые памятники пользуются “орфографией”, напоминающей смоленскую грамоту 1229 г., не менее последовательно, чем писец этой грамоты (стр. 166; ср. Соболевский 2006, 504). При отсутствии квалифицированных описаний графики и орфографии большинства древнерусских рукописей как выводы, опирающиеся на имеющуюся литературу (у А. Б. Страхова), так и апелляции к “оценке В. М. Живова”, определяющего “коэффициент замен” цифрой в 2% (стр. 167), носят, по нашему мнению, сугубо предварительный характер. В частности, при просмотре Софийского пролога (РНБ, Соф. 1324) – просмотре, имевшем в виду прежде всего историко-грамматические цели, – мы обратили внимание на массовое смешение $\text{o} / \text{ъ}$, $\text{e} / \text{ь} / \text{ѣ}$ (см., например, только на л. 180–181: скоро воставо 180а, зелъ 180в, поклѣнишася, хлебо, по дѣвъю же дѣню 181а, Ѡтъле 181б); постоянное смешение $\text{o} / \text{ъ}$ и даже $\text{o} / \text{ѡ}$, $\text{e} / \text{ь} / \text{ѣ}$ наблюдается в псковском Шестодневе ок. 1312 г. (РГАДА, Тип. 76); поскольку, однако, подсчеты нами не проводились, эти данные, конечно, нельзя считать доказательными. Думается, что для окончательного решения вопроса о том, насколько широко указанное смешение было распространено в книжной письменности, все еще недостаточно надежного материала.

Во втором же случае, на наш взгляд, в полемике происходит смешение понятий “графика” и “орфография”. Соглашаясь с А. А. Зализняком в том, что “орфография – это совокупность правил, пред-

писывающих выбор одной из графически правильных записей⁶ для всех случаев, когда такая запись не единственна” (стр. 172), мы можем счесть “орфографически правильной”, т. е. “предписанной орфографией” и ориентированной на “некоторый корпус рукописей, который признается в данной школе орфографически авторитетным” (стр. 172, 173), только запись типа *коньцемъ*, тогда как написания типа *кѣнѣчьмо* или под. – не более чем графически правильными. Нельзя не согласиться с автором и в том, что писцы большинства берестяных грамот “были носителями несколько иной графической системы, чем та основная, которая представлена в большинстве древнерусских памятников” (стр. 175). Однако до какой степени наш тезис о “нетвердости орфографических навыков” противоречит следующим пассажам в статье А. А. Зализняка: “Если он (учитель. – В. К.) учил только чтению, то ученик усваивал принцип омофонии букв o и ъ , но не знал никаких орфографических правил” (стр. 183), “Основная масса учеников не задумывалась над распределением букв ъ и o и не искала для этого никаких правил” (стр. 183), “в выборе между ъ и o он (писец. – В. К.) не руководствуется орфографическими правилами, а употребляет эти буквы произвольно” (стр. 184), “Произвольное распределение омофоничных букв (как $\text{ц} - \text{ч}$, так и $\text{ъ} - \text{o}$) отражает свободу от правил орфографии, характерную для тех, кого учили только читать” (стр. 187) – об этом мы не беремся судить.

К сожалению, и после подробного и концентрированного изложения основных моментов, связанных с функционированием “неполноразличительной” графики, остается не вполне проясненным вопрос о происхождении этой графики. Не вынося окончательного суждения, А. А. Зализняк признает “наиболее правдоподобной” гипотезу А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново (конкретные страницы в обширных работах 1915 и 1924–1927 гг. не указаны) о том, что смешение букв восходит к “тому типу церковного чтения, где вместо $/\text{ъ}/$ и $/\text{ь}/$ произносились $/\text{o}/$ и $/\text{e}/$ ” (стр. 187). Что же касается смешения ѣ с e , то автор не занимается “вопросом о происхождении этой традиции” (стр. 186).

Статья В. А. Дыбо ‘Правило Селищева – Вайана в праславянском’ (стр. 192–205) также уже давно опубликована – как раздел монографии Дыбо (2000, 209–226), подписанной в печать за месяц до утверждения к печати рецензируемого сборника. На большом фактическом материале исследователь уточняет акцентно-морфологическое правило выбора морфологического типа сравнительной степени, констатируя, что от прилагательных неподвижного акцентного типа ком-

паратив образовывался при помощи форманта *-ějь(š)* (акцентные парадигмы *a*: *дѣжакъ, прѣвѣкъ, славѣкъ, чистѣкъ* – и *b*: *новѣкъ, скорѣкъ, простѣкъ*), а от прилагательных подвижного акцентного типа – при помощи форманта *-jь(š)* (акцентная парадигма *c*: *хочѣде, тврѣжде, лишѣ*) (стр. 192). Заметим лишь, что реконструкция **š* для исходной формы (например, *dъlž-ějь(š)* и т. п. – без последующего дефиса) кажется не вполне корректной: в именительном падеже ед. числа муж. и сред. родов *š* никогда не развивался, так как там не было осложнявшего суффикс йота (*dъlž-ějьs*).

Републикация выгодно отличается от текста монографии 2000 г. тем, что к ней приложен список сокращений литературы и источников, которые в книге остаются абсолютно или почти не идентифицируемыми. В этом списке несколько смущает, правда, то обстоятельство, что сведения о формах из хорошо известных, доступных и даже опубликованных не только в последние десятилетия, но и в XIX в. рукописей черпаются автором из *Материалов для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского, а сведения о самих рукописях отвечают уровню археографических знаний середины XIX в. Это относится, в частности, к ссылкам на Слова Григория Богослова по списку XI в. (см. издание Будиловича 1875 г.), Ефремовскую кормчую XII в. (см. издание Бенешевича 1906 г.), Житие Феодора Студита “из Сборника житий XIII в.” (см. издание Выголексинского сборника конца XII в., вышедшее в 1977 г.), Минею 1096 г.⁷ (см. издание И. В. Ягича 1886 г.); загадочно выглядит отсылка к “неизвестным спискам” Русской Правды (стр. 204); несколько архаичны и отчасти анахроничны указания на места хранения рукописей – от “Имп. публичной библ.” до Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), от “Моск. публ. музея” до ГБЛ. Опора на словари, минуя рукописи или издания, может приводить к досадным ошибкам: так, форма *пѣстѣи* в Енинском апостоле не является компаративом, альтернативным древнерусскому *пѣщии* (стр. 200), а представляет собой регулярную форму дательного падежа ед. числа жен. рода от *поустыи* (в субстантивированном употреблении): *ѣко многа чѣда пѣстѣи паче нежели и мѣщи мѣжа* (Гал 4.27: “у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа”); эта форма соответствует греч. РП *τῆς ἐρήμου*; ср. РП *поустыи* в Христинопольском апостоле (SJS, III, 512). Ряд древнерусских форм компаратива приведен без каких-либо указаний на источник, например, *славѣе, чистѣи, сытѣе, истѣе, правѣе, малѣиша, ѡбожан, богатѣи, новѣк* и др. Надеемся, читатели смогут найти точные адреса этих форм в третьем томе *Исторической граммати-*

ки древнерусского языка, посвященном прилагательным (Кузнецов и др. 2006); там же можно обнаружить – со ссылками на конкретные древнерусские памятники – и значительное количество образований сравнительной степени, отличающихся от реконструируемых и, возможно, представляющих собой ранние инновации.

С лексикографическими интересами В. Н. Сидорова отчасти связана публикуемая далее статья С. В. Дегтева ‘К лексикографическому описанию переводных памятников славянской и древнерусской письменности’ (стр. 206–211), в которой на нескольких любопытных примерах рассматриваются трудности перевода с греческого на славянский и далее – в историческом словаре – на современный русский.

Завершается второй раздел двумя диалектологическими статьями. С. К. Пожарицкая в работе ‘Особенности семантики и синтаксиса беспредложного творительного падежа в севернорусских говорах’ (стр. 211–222) дает подробный обзор многообразного функционирования творительного падежа, делая особый упор на отличия от литературного языка. А. В. Тер-Аванесова в статье ‘Отражение флексии *pot.-асс. dualis* в счетной форме существительных *а*-склонения в русских говорах’ (стр. 222–236) на основе всестороннего анализа материала приходит к выводу о том, что счетная форма “сохраняет старую флексию двойственного числа только в немногих говорах южного наречия” (стр. 235). К сожалению, квалифицированное синхронное описание диалектных данных зачем-то осуществляется в статье на фоне археолого-“лингвогенетических” построений конца 80-х гг., от повторения которых в наши дни отказался и горячо пропагандировавший их в свое время А. А. Зализняк (см. Зализняк 2004, 3).

Третий раздел сборника напоминает об интересах В. Н. Сидорова в сфере современного русского литературного языка. Раздел открывается изящным эссе В. З. Санникова ‘О значении союза *пускай! / пусть*’ (стр. 239–245). На материале прежде всего классических текстов автор демонстрирует иллюзорность опирающихся на лингвистически далеко не надежные данные утверждений некоторых присяжных знатоков русского национального сознания о русском “пессимизме”, “пассивном восприятии мира” и т. п. (стр. 244).

Далее следует блок статей о русской орфографии: В. В. Лопатин отстаивает “нужность” буквы *ѣ* в русском алфавите и предлагает расширить ее употребление за счет сложносокращенных слов – т. е. вместо нормативных *иняз, Минюст, партячейка* и т. п. писать *инѣяз, Минѣюст, партѣячейка* (стр. 245–249). С. М. Кузьмина в статье ‘Заколдованное место русской орфографии’ (стр. 250–253), рассмотрев достоинства и недостатки разных проектов кодифика-

ции слитного/дефисного написания сложных прилагательных, приходит к неутешительному выводу о том, что разработка соответствующего правила “остаётся актуальной задачей” (стр. 253). Малопродуктивны и научные поиски Л. Н. Булатовой: статья ‘Существительное с предлогом или наречие?’ (стр. 254–258) заканчивается удивительной рекомендацией ввести в правописание “вариативность”, при том что “один из вариантов будет рекомендоваться как предпочтительный, а другой приводиться как допустимый”⁸. К чему уже привел такой плюрализм наших орфоэпистов – показывают какие-нибудь *договорá*, которые заключаются уже на правительственном уровне; ср.: “Оформленные Договора направляются: Организации – 1 экземпляр, Роснауке – 1 экземпляр” (Порядок бюджетного финансирования грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых [...] – Приложение к приказу Федерального агентства по науке и инновациям № 125 от 27 июля 2005 г., http://grants.extech.ru/docs/por_fin.php). Орфография и орфоэпия – это такой же способ отделить людей культурных от людей некультурных (и поднять последних до уровня первых), как правила хорошего тона. Видимо, скоро мы доживем до того, что “вариативность” будет утверждаться и в поведении: предпочтительно, например, не сморкаться на тротуар, но допустимо и сморкаться... А нежелание пуристов нарушать старые правила будет интерпретироваться как “враждебное отношение общественности” (стр. 257). Увы – как говорил Дон Аминадо, “одному дана власть над словами, другому – над словарями” (Сатирикон 2000, 231).

После этого особенно отрадно читать блестящую статью М. Л. Гаспарова “Краткие прилагательные на ритмико-синтаксическом посту” (стр. 258–263). Ученый иллюстрирует понятие “ритмико-синтаксического клише” на примере четверостишия В. Брюсова, которое было растиражировано 10 поэтами в 12 стихотворениях. Вслед за брюсовскими строками 1900 г.:

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч,
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч⁹ –

с их прихотливой рифмовкой, небанальными формами, удачным неологизмом (*полуден*), появляются вереницей: *Весенний день певуч и светел, Весенний день горяч и золот, Сегодня день высок и ясен, Июльский день так прян и пышен, Грядущий день томящ и горек,*

Осенний полдень сух и жарок и т. п. – причем не только у явных эпигонов, но и у Н. Гумилева и И. Северянина. Филигранный анализ М. Л. Гаспарова хотелось бы дополнить только в двух пунктах. Во-первых, форма *скуден* “в пределах поэтической лексики” могла бы рифмоваться не только с *чуден, труден, непробуден, правосуден, безрассуден, буден* (стр. 261), но и с *многолюден*; ср. у Лермонтова в *Споре*:

Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! Многолюден
И могуч Восток!

Во-вторых, непосредственным образцом для зачина в стихотворении Брюсова является, как мы полагаем, не стихотворение Фета (*Летний вечер тих и ясен; / Посмотри, как дремлют нивы*), в котором краткие формы прилагательных фигурируют лишь в первой строке и нет глагольной связки, а стихотворение Эдгара По *Улялюм* (*Ulalume*, 1847), демонстрирующее предикативное употребление прилагательных как в первой, так и во второй строке, а также глагольную связку прошедшего времени (ср. у Брюсова *был*):

The skies they were ashen and sober;
The leaves they were crisped and sere.

Правда, в большинстве печатных переводов стихотворения По на русский язык (за исключением позднейшего перевода В. Бетаки) эта схема не сохранена: так, первый опубликованный перевод (К. Бальмонта), появившийся за год до брюсовского стихотворения (1899), далеко не точно воспроизводит синтаксис двух первых строк (*Небеса были серого цвета, / Были сухи и скорбны листы*). Перевод самого Брюсова, изданный в 1924 г., синтаксически еще более отличается от оригинала (*Скорбь и пепел был цвет небосвода, / Листья сухи и в форме секир*).

Между тем наиболее ранние, до сих пор, кажется, не опубликованные, обращения Брюсова к поэзии Э. По, который был для русского символиста “одним из любимейших и наиболее почитаемых” писателей, датируются уже 1895 годом – это подстрочный перевод *Улялюм* и поэтический перевод первых двух строф стихотворения (Брюсов 1994, 864, 865). Благодаря ссылке на архив Брюсова в указанном издании нам удалось, при любезном содействии Е. А. Осокиной, выпиравшей для нас цитату из рукописи, установить, что синтаксическая схема, ориентированная на английский оригинал и повторенная пять

лет спустя в стихотворении 'Осенний день...', впервые была применена Брюсовым именно в этом, самом раннем переводе *Улялюм*:

Небо было безцветно и мрачно.

Листья были безжизненно темны.

(РГБ, ф. 386, карт. 14, ед. хр. 5/2, л. 25 об.)

В строках 1900 г., как нетрудно убедиться, сохранены основные морфолого-синтаксические особенности перевода 1895 г. – порядок слов, два кратких прилагательных в конце первой строки, наречное обстоятельство перед кратким прилагательным в конце второй строки. Почему же, используя удачно найденную схему в собственном оригинальном стихотворении, Брюсов не воспроизвел ее в окончательном переводе *Улялюм*, изданном в год его смерти? Не потому ли, что поэт, как отмечает М. Л. Гаспаров, вообще никогда более не повторил своего клише, "вероятно, полагая, что это было бы слишком заметно" (стр. 262) – а поэтический первоисточник схемы слишком очевиден?

Ряд интересных наблюдений об отношениях между текстом произведения и его заглавием (или заглавиями других сочинений того же автора) представлен в статье Н. А. Кожевниковой 'Заглавие и текст' (стр. 264–268).

Весьма дискуссионна статья Н. А. Еськовой 'О вариантах предлога *о, об, обо*' (стр. 268–270). Рассуждая о том, какая форма предлога в той или иной позиции присуща литературному языку, нельзя, на наш взгляд, абстрагироваться от вопроса об исторической обоснованности данных форм и ставить на одну доску исконно правильные, но устаревшие обороты и малограмотные инновации нашего времени. В частности, едва ли следует уравнивать как "отклонения от современной литературной нормы" и "варианты", с одной стороны, употребление *об* перед согласными, которое было нормативно и в XIX в., и в начале XX в. (ср. названия работ А. И. Соболевского: 'Нѣскольکو мыслей объ древней русской литературѣ', 1903, 'Исследование об новом *е* в великорусских говорах', 1924) и вполне оправданно исторически (в этих случаях предлог *об* восходит либо к древнерусскому безъеровому *объ*, сохранявшемуся перед <л>, <н>, <р>, либо к вторичной форме с редуцированным *объ*, после которой, естественно, могли находиться и согласные), а с другой стороны – появление *о* перед гласными, наиболее вопиющим примером которого служит разбираемое Н. А. Еськовой название книги А. Наймана *Рассказы о Анне Ахматовой*. Не говоря уже о том, что такое зияние вопиюще исторической точки зрения, "почти физическое" неприятие, если

воспользоваться словами самого Наймана, вызывает его аргументация: "[...] о применительно к этой фигуре и к этой книге кажется мне более благозвучным, старомодным (!!! – В. К.) [...] почти физически не могу, например, сказать "об имени", а только "о имени" (из письма А. Наймана Н. А. Еськовой, стр. 269). Источник подобных "подспудных процессов, расшатывающих современную норму" (там же), уже описан в литературе: начинающий писатель, приехавший завоевывать столицу, в ответ на замечание: "Так по-русски не говорят" – спрашивает: "Где не говорят?" – и, услышав: "В Москве", победно парирует: "А в Кишиневе говорят!" (Берберова 1996, 318).

В одном ряду с носителями нелитературного языка, агрессивно отрицающими исторические традиции, странно видеть, в качестве нарушителя "строгой литературной нормы", Александра Блока, который, по мнению Н. А. Еськовой, в стихотворении 'Девушка пела в церковном хоре' неправильно употребил предлог *о* вместо *обо*: *О всех усталых в чужом краю* (стр. 270). Обращение к *Национальному корпусу русского языка* (<http://ruscorpora.ru>) показывает, что сочетание *о всех* встречается у Марлинского и Гаршина, Загоскина и Чернышевского, В. Ф. Одоевского и Льва Толстого, Соллогуба и Достоевского, Боборыкина и Гарина-Михайловского, у Н. С. Трубецкого, И. Е. Репина, А. И. Деникина – и, таким образом, Блок – выпускник Петербургского университета, где он был учеником Соболевского, – лишь следует норме XIX–начала XX столетия¹⁰.

Третий раздел сборника завершается тонким этюдом Е. И. Голановой о форме *колыбелочка* в стихотворении А. Н. Майкова (стр. 271–272). Привлекая диалектный материал, автор убедительно доказывает, что эта форма использована поэтом "для создания определенной фольклорной тональности".

Основная публикация четвертого раздела, посвященного истории русского языкознания, – статья Р. В. Бахтуриной 'Леонид Васильев' (стр. 275–283), в которой впервые на основе документов и воспоминаний родственников воссоздан жизненный и творческий путь одного из крупнейших русских лингвистов (1877–1920), и прилагающееся к ней хорошо откомментированное издание писем Васильева Соболевскому, Шахматову и другим ученым (стр. 286–302). К публикации примыкает еще одна статья В. А. Дыбо – 'Загадка Васильева' (стр. 302–307); анализируя ошибки в отзыве Шахматова о работе Васильева 'О значении каморы [...]', автор утверждает, что Шахматов и Соболевский "не понимали всей значимости Л. Л. Васильева как исследователя" (стр. 304). Однако неустанные заботы обоих ученых о явно психически нездоровом молодом коллеге, которого они неизменно пытались,

говоря словами Р. В. Бахтуриной, “отстранить от житейских и общественных проблем” (стр. 279), свидетельствуют, как нам кажется, совсем о другом. То, что Васильев “вынужден” был служить делопроизводителем в Министерстве народного просвещения (стр. 280), безусловно, не связано с недостатком внимания со стороны старших коллег: Соболевский предложил своему ученику сразу по окончании университета чтение лекций по славянским древностям в Археологическом институте, однако Васильев неожиданно отказался от этого предложения – вряд ли потому, что ему “не хотелось прерывать научные исследования, в которые он был погружен с полной самоотдачей” (стр. 278). Этому тезису противоречит утверждение Р. В. Бахтуриной, согласно которому болезнь Васильева “была связана с длительным перенапряжением, когда многие годы серьезные научные занятия совмещались с чуждой его натуре и характеру чиновничьей службой, занимавшей слишком много времени” (стр. 281). Все годы Соболевский и Шахматов стремились обеспечить Васильеву именно работу по специальности, т. е. высвободить его время для “серьезных научных занятий”. Странные реакции Васильева, странные отношения с обоими академиками, странные письма его позволяют согласиться с В. А. Дыбо в том, что данное Н. Н. Дурново (и повторенное Р. В. Бахтуриной) объяснение психической болезни Васильева – якобы как следствия потрясения, когда он узнал о работе Шахматова над обозначением <ô> в древнерусских рукописях, – “невероятно” (стр. 303). Васильев очевидно был серьезно болен задолго до 1913 г., когда он впервые попал в лечебницу по нервным болезням. Так, еще в 1906 г. он при расставании говорит Соболевскому “прощайте”, а потом в письме академику терзается сомнениями: “Не знаю, имел ли я достаточное к этому основание” (стр. 290); то он жалуется Шахматову на недостаточную поддержку со стороны Соболевского (стр. 291), то в письме Соболевскому сетует, что Шахматов “не нашел возможным принять участия в моей судьбе” (стр. 295). В 1911 г. в том же письме Соболевскому Васильев lamentирует: “Неужели судьба так и не даст мне выбраться на ученую дорогу и в тот момент, когда уже все почти наладилось, забросит куда-нибудь в глухую провинцию: денег у меня нет ни копейки и придется хвататься за первое попавшееся место, хотя бы оно было на краю света?”; между тем в 1905 г. он отказался не только от чтения лекций, но и от академической стипендии (стр. 288), в 1907 г. писал Шахматову: “[...] Соболевский [...] предлагал похлопотать о заграничной командировке из средств университета, от которой я отказался [...] Только не рассчитывайте, чтобы я согласился на заграничную командировку при вто-

ричном предложении Соб-ого” (стр. 291), а в 1913 г. в письме Шахматову вновь отказался “от предложения ехать за границу: лучше и спокойнее окончить свои дни без иллюзий в доме для нервных больных¹¹ в сознании своей немощности и старческого слабоумия” (стр. 296). На фоне этой клинической картины едва ли правомерно обвинять “его превосходительство академика А. А. Шахматова” в том, что он – всего лишь “талант” – осмелился “назначить тему” магистерского экзамена гению и вследствие этого “присвоение научной степени Л. Л. Васильеву так затянулось” (стр. 303, 304). В те времена даже академики подчинялись определенным правилам научного общежития, и нарушение этих правил – вроде замены письменного экзамена (результаты которого сдаются в архив¹²) беседой или присуждения ученой степени “по совокупности” – наверное, просто не могло прийти в голову академику-секретарю ОРЯС.

Раздел об истории науки завершает обширная и наспех подготовленная публикация О. В. Никитина ‘Из истории Московской лингвистической школы: новые материалы и републикации’ (стр. 308–390). Комментарии публикатора ограничиваются, если не считать археографических примечаний, в основном сведениями о том, кто такие Якобсон, Фортунатов, Шахматов или Селищев¹³; большинство упоминаемых в документах имен остается без комментариев, да к тому же еще порой и в ошибочном написании (Краузе ван дер Коп вместо Круаза ван дер Коп, Миколла вместо Миккола); когда ученый или его работа названы, комментарий, конечно, не обязателен, однако вряд ли фигура умолчания уместна для “Вари”, с которой у Р. И. Аванесова “контакт есть уже давно” (стр. 368; не имеется ли в виду В. Г. Орлова?), Виноградовой (?), Земской (?), а также для поименованного в том же письме, но “купированного” в публикации коллеги, который, по мнению Аванесова, “абсолютно безнадежен”. Огорчительно, что в сборнике, значительная часть которого посвящена трудам Л. Л. Васильева, никак не расшифровывается упоминание о некоей статье Васильева в РФВ (т. е. *Русском филологическом вестнике*) относительно Евангелия, хранящегося в каком-то “рукописном отделении” (обозначение шифра рукописи, по словам О. В. Никитина, в письме “неразборчиво”); между тем Васильев опубликовал не так много работ, и все они собраны в одной книге¹⁴ (Васильев 1972): нетрудно установить, что речь идет о статье ‘Новгородское Евангелие Имп. Публ. Библ. и его западнорусские вкладные’ (РФВ, 1902, т. 47, стр. 152–168), а шифр этой рукописи в Российской национальной библиотеке – F. п. I. 17.

Однако, несмотря на досадные пробелы в аппарате публикации, несмотря на сокращения там, где желательнее было бы увидеть полный текст, и длинноты там, где содержится едва ли кому-нибудь интересная информация, сами опубликованные материалы – среди которых такие важные документы, как письмо А. А. Шахматова Д. Н. Ушакову 1920 г., письма И. Г. Голанова Д. Н. Ушакову (1913–1914), письмо Д. Н. Ушакова И. В. Сталину о судьбе В. Н. Сидорова, – яркое свидетельство того, как расцветала, уничтожалась и возрождалась русская лингвистика в первой половине XX в.

Приложение к книге (одновременно пятый раздел) составляют некрологи В. Н. Сидорова, написанные для институтского бюллетеня А. А. Реформатским, В. Д. Левиным, М. В. Пановым, материалы из архива Реформатского – письмо Сидорову, заметка к 60-летию Сидорова и письмо И. С. Ильинской в связи с подготовкой сборника памяти В. Н. Сидорова – и, наконец, автобиография Сидорова. Завершается том списком трудов В. Н. Сидорова и работ о нем; кроме того, к книге приложено большое количество фотографий языковедов, о которых говорится в статьях сборника.

В целом сборник *Отцы и дети Московской лингвистической школы*, несомненно, удался: наряду с ценными мемориальными материалами он содержит глубокие, основательные статьи, которые отражают многостороннее развитие московской лингвистики после Владимира Николаевича Сидорова. Учитывая долгий путь книги от утверждения к изданию, читатель, очевидно, вправе посетовать на типографские (и не только) огрехи, встречающиеся буквально с первой страницы: отсутствие титульного листа, путаницу с инициалами (Б. А. Пеньковский – стр. 9), неверное прочтение имен и шифров в издаваемых рукописях (Wockernagel вместо Wackernagel – стр. 68, Клетертник вместо Плетершник – стр. 280, 297, Q. I. 18 вместо Q. п. I. 18 – стр. 284, пробирста (?) – стр. 297), пропуски в библиографии (не раскрыты, например, обозначения [Проект 2000] и [Обзор 1965] в статье С. М. Кузьминой), отсылки к несуществующим страницам (к Биографии, стр. 5–6 на стр. 304), опечатки (ценые – стр. 9, Григорьевой – стр. 99, Хроногаф, ЭССА вместо ЭССЯ – стр. 205, Иезикииля, Иезекиль – стр. 209, на недалеко от границы (sic!) – стр. 227, вынесенное а заглавие – стр. 264, издательство – стр. 269, криминального – стр. 398) и даже грамматические и пунктуационные ошибки (с “Челюскином” – стр. 45, едва ли нехимически враждебной – стр. 241). Но это, конечно, мелочи, и у нас есть все основания поздравить редакторов и всех, кто дождался, наконец, выхода этой интересной, насыщенной многообразными сведениями книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, сам Реформатский считал, что “это все сильно “самиздатно”” – заметки написаны “с натуры”, “вранья в них нет” (стр. 398).

² На обороте титульного листа 1 тома *Словаря языка Пушкина* В. Н. Сидоров фигурирует как один из “составителей”, во 2 и 3 томах – как редактор тома, а в 4 упомянут лишь в предисловии как один из “оказавших большую помощь” в редактировании тома.

³ Заметим, что упоминаемая в этой статье работа В. Н. Сидорова ‘Об одном случае позиционно обусловленного изменения гласной в севернорусских говорах’ посвящается П. С. Кузнецову (см. Сидоров 1969, 88) – но не “памяти П. С. Кузнецова” (стр. 137): В. Н. Сидоров скончался через неделю после П. С. Кузнецова (см. стр. 393), и статья предназначалась им для сборника в честь 70-летия Кузнецова, предстоявшего в 1969 г. (Сидоров 1969, 5).

⁴ В тексте – “церковно-славянской”.

⁵ В разбираемой работе процитировано неточно: “... в смешении букв ъ и ь ...” (стр. 167).

⁶ Графически правильными, т. е. соответствующими определенной фонстической последовательности, А. А. Зализняк называет написания типа *сапог, сапок, сопог, сопок* (стр. 172).

⁷ В современной палеорусистике 1096 годом датируется только октябрьская Миняя, тогда как сентябрьскую, не имеющую даты, относят либо к 1095–1096 гг. (СК 1984, 46), либо к концу XI в. (Каталог 1988, 37).

⁸ Попутно заметим, что в статье совершенно напрасно рекомендуется ввести слитное написание наречия *впотьмах* (стр. 257): оно и так пишется слитно в соответствии с все еще действующими, к неудовольствию нормативистов, *Правилами русской орфографии и пунктуации* (Правила 1956, 122).

⁹ Цитируется по Брюсов (1973, 180), где стихотворение не имеет названия; в статье М. Л. Гаспарова второе слово второй строки – *неподвижно* и приведено название – ‘Еще сказка’ (однако это название цикла).

¹⁰ Блок написал для семинария Соболевского реферат на тему *Язык Александрии русских хронографов*, и “скупой на похвалы и крайне требовательный Соболевский признал труд Блока превосходным” (Громов 1980, 404).

¹¹ В тексте – “нервно-больных”.

¹² Благодаря чему мы и располагаем теперь еще одной работой Васильева – “кляузурным сочинением” на тему “К какому времени восходит смягчение согласных перед гласными переднего ряда, наблюдаемое в современном русском языке?” (стр. 283–286).

¹³ Однако и в эту общедоступную информацию вкрадываются ошибки: так, Ф. Ф. Фортунатов стал академиком не в 1902 г. (стр. 322), а в 1898.

¹⁴ К сожалению, не в России: планы Л. П. Жуковской и Р. В. Бахтуриной издать труды Васильева не были осуществлены “в связи с техническими сложностями набора и корректуры” (стр. 300); как известно, Ю. Шевелев переиздал все сочинения Васильева репринтно.

ЛИТЕРАТУРА

Берберова, Н.: 1996, *Курсив мой. Автобиография*, Москва.

Бернштейн, С. Б.: 2002, *Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи*, Москва.

Брюсов, В. Я.: 1973, *Собрание сочинений*. В 7 т., т. 1, Москва.

Брюсов, В. Я.: 1994, *Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова*, Москва.

- Васильев, Л.: 1972, *Труды по истории русского и украинского языков*. Ed. and with introduction by G. Y. Shevelov, München.
- Громов, А. А.: 1980, 'В студенческие годы', *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. 1, Москва, 402–409.
- Дыбо, В. А.: 2000, *Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис*, т. I, Москва.
- Зализняк, А. А.: 2002, "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва.
- Зализняк, А. А.: 2004, *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва.
- Каталог, 1988: *Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР*, Москва.
- Крысько, В. Б.: 1998, 'Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне', *Вопросы языкознания*, вып. 3, 74–93.
- Кузнецов, А. М., Иорданиди, С. И., Крысько, В. Б.: 2006, *Историческая грамматика древнерусского языка*. Т. 3: *Прилагательные, [АГДРЯ]*, Москва.
- Правила, 1956: *Правила русской орфографии и пунктуации*, Москва.
- Сатирикон, 2000: *Антология сатиры и юмора России XX века. "Сатирикон" и сатириконцы*, Москва.
- Сидоров, В. Н.: 1969, *Из русской исторической фонетики*, Москва.
- СК, 1984: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв.*, Москва.
- Соболевский, А. И.: 2006, *Труды по истории русского языка*, т. 2, Москва.
- SJS – *Slovník jazyka staroslovjanského*, Т. 1–4, Praha 1958–1997.

*Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва
vbkrysko@rambler.ru*

**ВАДИМ БОРИСОВИЧ
КРЫСЬКО**